

УДК 04(47)"1920"

ОТ ШКОЛЬНИКА К КРАСНОАРМЕЙЦУ: ПУТИ ВЗРОСЛЕНИЯ И ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ¹

(рецензия на книгу: А.Ю. Рожков «В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов». Краснодар, 2002)

К. Блэк, М. В. Ромашова

Вашингтонский колледж, г.Честертаун, 300, Вашингтонский пр., Мэрилэнд, 21620, США
Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
cblack2@washcoll.edu
romasha09@gmail.com

Рецензируется монография А.Ю. Рожкова «В кругу сверстников», посвященная жизненно-му миру юношей и девушек Советской России в 1920-е гг. На основе разнообразных и многочисленных источников автор анализирует представления и повседневные практики молодых людей в группах сверстников и за их пределами – во взаимодействии со взрослыми (родителями, учителями, преподавателями вузов, командирами и т.д.)

Ключевые слова: юность и юношество, повседневная жизнь, сверстник, НЭП, школа, вуз, Красная армия.

Если мы говорим о периоде НЭПа, то, как правило, обращаемся к политическим баталиям в руководстве коммунистической партии, к открытиям художественного авангарда, к созданию советских политических и экономических структур и, конечно же, к эволюции сталинской диктатуры. Акцент на социальной истории, появившийся в зарубежных исследованиях с 1980-х гг., привлек внимание к рабочим, крестьянам и женщинам как аналитическим категориям.

Несмотря на то что научный интерес к изучению «повседневности» возник более века назад, в исторических исследованиях эта тема стала актуальной только после появления работ представителей французской школы «Анналов», особенно Ф. Броделя, а также исследований М. Фуко, П. Бурдьё и М. де Серто, в которых они обосновали научное знание повседневности и предложили инструментарий для ее анализа. Историки-профессионалы и любители переключили свое внимание с творцов культуры, находившихся прежде в центре исторических повествований, на ее потребителей, обывателей, на то, как они проживали и воспринимали свои жизни. Но, чтобы исследовать те или иные аспекты повседневности, сделать на основе их изучения выводы и объяснить происходящие в ней изменения, необходимы новые подходы к источникам (и новое понимание того, что на самом деле является источником), а также готовность преодолеть многочисленные междисциплинарные барьеры. Так, историки пытаются проникнуть в сознание обычных людей, живших в прошлом, через анализ дискурсов разных текстов: от произведений литературы до газетных объявлений. Даже анализ, казалось бы, незначительных языковых моделей позволяет выявить тонкие механизмы власти, представить их маркерами важных изменений в общепринятых жизненных представлениях – изменений, которые могли бы помочь нам более ясно интерпретировать масштабные социальные и политические трансформации.

Книга «Повседневный сталинизм» Ш. Фицпатрик, вышедшая в 1999 г.², ознаменовала поворот исследователей советской эпохи к повседневным реалиям советского общества. Подзаголовок книги «Обычная жизнь в необычные времена» говорит о желании автора зафиксировать двойственность существования в рамках сталинского режима, а именно то, как советские граждане приспособивались к его жестокости среди своих повседневных дел и обязанностей, жизненных радостей и тревог. Открытие архивов способствовало проявлению внимания к этим проблемам истории сталинизма.

Переиздание книги А.Ю. Рожкова «В кругу сверстников», которая впервые увидела свет в 2002 г.³, отражает растущий интерес российских историков к вопросам повседневной жизни. Такие исследователи, как Н.Б. Лебина, Т.М. Смирнова, Е.Ю. Зубкова, С.В. Журавлев, опубликовали теоретические и эмпирические работы, в которых обратились к неизвестным сторонам советской по-

вседневности⁴. Кроме того, книга А.Ю. Рожкова вышла в серии публикаций издательства «Новое литературное обозрение», посвященных повседневной жизни и являющихся альтернативой уже достаточно широко известной коллекции подобных исследований, опубликованной в издательстве «Молодая гвардия».

Монография «В кругу сверстников» примечательна тем, что в центре внимания ее автора находится повседневная жизнь конкретной возрастной группы – юношей и девушек 1920-х гг.. Исследовательский фокус на юности и юношестве дает возможность посмотреть на проблему взросления молодого поколения в послереволюционном советском обществе, где зрелость и старость на какое-то время перестали быть нормой, так как ассоциировались с косностью разрушенного революцией социального порядка. Юность стала объектом дискуссий и практических действий политиков, ученых, педагогов, медиков в связи с необходимостью формирования «нового», социализированного, идеологически подкованного взрослого. Но А. Рожков видит в юношах и девушках не только объектов педагогических манипуляций и политических мер, но и соучастников – сопротивляющихся, бунтующих, отвергающих, потребляющих, разочарованных и вдохновленных, на равных со взрослыми делающих «большую» историю.

А.Ю. Рожков делит свою книгу на три части, исследуя юношеский опыт в условиях обучения в школе, вузе и прохождения военной службы. Таким образом, охватывается жизнь молодых людей в возрасте примерно от 6 до 22 лет. Этот выбор институтов социализации не случаен. Армия 1920-х гг. находилась на передовой «культурной революции», была важным этапом на пути овладения крестьянскими юношами навыками «культурности». В каждой части книги не только описываются и объясняются ежедневные неожиданные преграды и трудности молодого поколения, реконструируются их повседневные практики, но и анализируются институциональные структуры, в которых они оказывались в каждой фазе своего взросления.

Некоторые авторы монографий зачастую подвергаются критике за то, что их исследования «нерепрезентативны». А.Рожков же попытался не допустить подобной критики. В частности, он тщательно изучил материалы архивов в Краснодаре, федеральных архивов в Москве, используя при этом данные, относящиеся к территории бывшего Советского Союза (преимущественно российских территорий).

Глубина и масштаб исследования поражают. Книга представляет собой одну из самых детальных работ о повседневной жизни молодых в 1920-е гг. Можно предположить, что А.Ю. Рожков легко бы выделил из этого более чем пятисотстраничного труда три отдельные книги. Демонстрируя знание западной историографии о НЭПе и классиков социальной теории, автор искусно извлекает необходимые сведения из информационных бюллетеней, газет и журналов, правительственных постановлений, мемуарной литературы, показывая равные возможности источников: от партийных резолюций до крестьянских частушек и писем к лидерам страны.

В каждой главе рассматриваются институциональные структуры, формальные правила, регулирующие жизнь молодых людей, а также способы, с помощью которых молодые люди из числа рабочих, крестьян или «аутсайдеров» («бывшие» люди, евреи, верующие и др.) обходили эти структуры и правила; представления молодых людей о самих себе и других, формировавшиеся под воздействием принадлежности к тому или иному классу; поведенческие стратегии молодого поколения по использованию идеологии в своих целях.

Последнее из упомянутого особенно интересно, потому что Рожков предлагает материал, на котором можно рассмотреть принятие большевистской идеологии в среде молодых людей и способы извлечения из этого выгоды. В большинстве случаев автор считает, что молодые люди используют идеологию – в том смысле, как они ее понимают, – выборочно, в своих интересах. Дети школьного возраста, например, ориентируясь на модель советов, создавали свои представительные органы, уравнивавшие их с учителями, которых они несколько оскорбительно именовали «шкрабы» или «школьные работники» (с. 74–94). Студенты вузов осуждали профессоров за приверженность устаревшей педагогической программе и методам или за принадлежность к «лишенцам». Некоторые создавали студенческие коммуны, чтобы объединить свои ограниченные ресурсы, а также распространить коммунарские идеи среди их членов (с. 289–312). И, хотя у призывников было меньше возможностей использовать идеологические принципы в своих целях, чем у школьников или студентов, они в условиях господствовавшей пропаганды верили, что их служба будет оправдана. Так, новобранцы предполагали, что по истечении срока служба в Красной армии обеспечит

им последующее трудоустройство, и, если крестьяне когда-то смотрели на военную службу как на наказание, то многие из них сейчас воспринимали ее как шаг к получению уважаемого пролетарского статуса (с. 388–389).

Помимо этого, молодые люди активно использовали язык официальной идеологии, выражая свое недовольство несправедливостью и повседневным существованием. Нападкам подвергались не только учителя как контрреволюционеры, под огнем критики могли оказаться чиновники за их неспособность отстаивать интересы рабочего класса или за злоупотребление своими полномочиями. Так, студенты, которые имели пролетарское происхождение, но были отчислены из вузов из-за неуспеваемости, в ходе «чисток» студенчества от классово «чуждых элементов», требовали в своих письмах к Рыкову прекратить произвол, обратить внимание на «буржуазное студенчество» и использовать только официальные бумаги, подтверждающие социальное происхождение студента, а не его академические (не) успехи (с. 235–236).

Большой проблемой для коммунистической партии в 1920-е гг. была бедность страны, скудость финансовых ресурсов, что определило разрыв между блестящими планами лидеров и имеющимися в распоряжении средствами для их выполнения. Яркие противники нового государства, как правило, объясняли такие проблемы ущербностью официальной идеологии или предательством его лидерами социалистических идей, в то время как его защитники указывали на врагов и их решимость сорвать планы по строительству социализма. Историки обращают внимание на пропагандистские усилия большевиков в прессе, кино, изобразительном искусстве, музыке и т.д. Но они часто игнорируют суровые реалии, которые затрудняли процесс удовлетворения даже элементарных потребностей населения. Факты, приводимые Рожковым, дают возможность понять, что советскому правительству не хватало денег для воплощения своих амбициозных планов в сфере образования, поэтому школьники во многих регионах страны должны были платить за то, что им было обещано как право.

Хуже всего приходилось сельским учителям, чьи средства к существованию зависели от поддержки местного населения, которое само было разорено в годы войны и революции. Многие учителя вынуждены были довольствоваться в лучшем случае одним комплектом одежды и средствами, позволяющими питаться только раз в день. Кроме того, основную часть педагогов, обучавшихся своей профессии при царском режиме, по умолчанию клеймили за устаревшие подходы к преподаванию или подозревали в распространении контрреволюционной идеологии ничего не подозревающим ученикам. Такие прозвища, как «шкрабы», подрывали тот авторитет, который когда-либо у них был, низводя учителей до рядовых работников. Учащиеся в некоторых школах брали на себя революционные обязательства самостоятельно устранить школьную иерархию, что разрушало дисциплину и вносило хаос в учебный процесс.

Трудно себе представить, что учителя в первое десятилетие советской власти могли создать идеальную педагогическую модель. Несмотря на распространенный в историографии тезис, согласно которому большевики пришли к власти с четкими представлениями об идеологической обработке молодежи, Рожков показывает, что у них не было проекта социалистического образования. Школы стали полем боя для инноваций, одни из которых были заимствованы у американских теоретиков, другие логически выведены из большевистских принципов равноправия, а третьи возникли из ученических интерпретаций идей большевиков. Все эти усилия сталкивались с многочисленными препятствиями, а самим школам просто не хватало средств для осуществления реформ.

Исследование учебных планов, педагогических подходов или официальных решений в образовании – всего того, что осталось на бумаге, – типичный анализ ситуации в образовании, а Рожков делает все возможное, чтобы воссоздать ежедневный опыт детей в первых советских школах. Для этого он привлекает впечатляющий массив воспоминаний и дневников, хранящихся в местных архивах, а также опубликованные педологические опросы, результаты анкетирования и т.д. На основе этого создается впечатление, что школы были пространством глубоких конфликтов, в которых отразились накопившиеся в обществе разногласия по вопросам иерархии, справедливости, религии, гендера. То, что дети воспринимали ценности их родителей, вполне ожидаемо, но во времена социальных и политических потрясений выяснение того, как они относились к новым ценностям, зачастую противоречившим родительским, может быть затруднительным. Другое дело – школьные реалии, которые до какой-то степени характерны для школ в любом другом месте или в другое время: отношения с одноклассниками и учителями, выполнение заданий, понимание уроков и т.д.

Отчаянная потребность в средствах для выживания беспокоила молодых и за пределами школы. Число вузов в стране резко сократилось, и те, кто стремился получить место в них, обнаружили, что академические достижения в школе не давали никакой гарантии поступления или получения желанной стипендии. Потомки священников или дворян были счастливы от одной возможности стать абитуриентами (некоторые ради этого отрекались от своих родителей), однако приемные комиссии нередко разрешали поступать в вуз практически безграмотным молодым людям пролетарского происхождения. Но, как поясняет Рожков, поступление не было билетом в комфортное существование. Жилье для студентов было в дефиците, как и для населения в целом. Стипендии были мизерными. Объединение своих ресурсов в коммунах мало помогало, поскольку сумма, необходимая на ежедневные потребности студентов, как правило, превышала собранные вместе стипендии.

Тяжелым было и положение призывников. Несмотря на более стабильное питание, чем у студентов, солдаты и матросы размещались в сырых, заплесневелых подвалах или в непригодных бараках с минимальной защитой от холода. Кроме того, еда могла быть несъедобной, что вынуждало новобранцев дезертировать, заниматься попрошайничеством или красть. Обмундирование было в дефиците на протяжении всех 1920-х гг.. Такие условия повседневного существования влияли на подготовленность Красной армии, ее способность противостоять потенциальному захватчику. Не удивительно, что сочетание недоедания, антисанитарного жилья, незащищенности от природных стихий и интенсивных физических нагрузок обеспечили идеальные условия для инфекционных заболеваний среди солдат. Активная молодежь также столкнулась с угрозой венерических заболеваний, особенно у тех молодых людей, которые пользовались услугами проституток.

А.Ю. Рожков внимательно проанализировал статистику здравоохранения на местном и национальном уровнях и иные официальные документы, чтобы показать, насколько широко распространены были случаи инфекционных заболеваний среди тех групп молодых людей, которые должны были быть здоровыми (с. 186–190, 366–369, 472–480). Власти были информированы о чудовищном состоянии дел в школах, общежитиях и казармах. Но при жалком бюджете они мало что могли сделать, чтобы улучшить жизнь, помимо выдачи медико-санитарных инструкций, которых руководители, как правило, не в состоянии были придерживаться. Тем не менее студенты и солдаты направляли свои жалобы руководителям страны или сообщали о них в газеты в надежде на какие-либо изменения.

Книга Рожкова оставляет у читателя впечатление, что во время НЭПа юношество воспринималось как этап жизни, который старались скорее пережить. Студенты и солдаты готовы были терпеть лишения во время обучения в надежде, что образование или военная служба дадут им что-либо взамен. Советское государство чаще всего было не готово оправдать эти ожидания, за исключением, пожалуй, красноармейцев. После демобилизации перед ними возникали реальные пути для социального восхождения (с. 338).

Что касается молодых рабочих и крестьян, то революция если и обещала что-либо им, так это социальную справедливость. И действительно, те, кто находился на низших ступенях общества до революции (или чьи родители относились к низам), ожидали, что им будет отдано предпочтение там, где прежде отказывали, например, в школах и университетах. Однако эгалитарная риторика нового государства нивелировалась реалиями неравного доступа к некоторым благам, появившимся в советском обществе в годы НЭПа. Тем не менее время показало, что молодые люди были готовы испытывать материальные лишения ради сведения до минимума экономических и социальных преимуществ элит. В период НЭПа, однако, когда частные торговцы могли себе позволить сколотить небольшое состояние и побаловать себя в дорогих ресторанах или купить дорогостоящие товары на местных рынках, было особенно трудно поддерживать терпимость молодежи. Местные партийные и советские работники предстали как новая элита, в такой же степени, как и дореволюционная, способная к накоплению или отказу в доступе другим к товарам и услугам.

Рабочие тоже были объектами негодования крестьян. Они небезосновательно считали, что их «пролетарское» происхождение дает привилегии, на которые сельские жители не могли и надеяться. Даже в небольших группах, таких как студенческие коммуны, молодые люди сталкивались с трудностями замены иерархии эгалитарными отношениями. Кто брал на себя ответственность за наименее приятную работу по дому? Считались ли в коммуне супружеские пары по отдельности или как одна семейная ячейка? Куда уходили обычные члены коммуны, когда пара хотела близости?

сти? Возникновение таких вопросов препятствовало построению коммунизма на локальном уровне и проливало свет на более крупные проблемы, стоявшие перед советским обществом в первое десятилетие после революционных событий. Более того, молодые люди быстро осознали, что старые модели поведения, характерные для старшего поколения и ассоциировавшиеся у них с воспитанием в царской России, не так просто преодолеть.

Благодаря книге А.Ю. Рожкова становится понятно, почему поколение, достигшее зрелости в конце 1920-х гг., было готово выйти за рамки толерантности и экспериментов начала революционной эпохи. Поводов для недовольства, будь то политика, материальное благополучие, социальная справедливость или возможности карьерного роста, было в изобилии. И без того бдительная к настроениям населения партия контролировала студентов и солдат через комсомол и информаторов, осведомителей ОГПУ. Рожков сделал подборку политических сводок, чтобы помочь нам оценить уровень поддержки советской власти или противодействия ей, а также понять причины недовольства в самых разных сферах. Конечно, само существование информаторов также может быть источником недовольства, и автор внимателен к методологическим недостаткам своих документов. Но с учетом количества фактов, которые он суммировал, трудно не прийти к выводу о том, что к 1928 г., если не раньше, молодые люди, особенно в городах и на военной службе, были готовы в определенной степени к «большому скачку» (хотя и не обязательно реализованному), который бы положил конец бедности и очевидному неравенству эпохи НЭПа.

А. Рожков обратил внимание на то, как молодые люди в раннем советском обществе «потребляли» идеологию нового государства в контексте реалий экономического дефицита, социальной напряженности и политических потрясений. В этом отношении его работа выполнена скрупулезно и убедительно. А.Ю. Рожков обращается преимущественно к мужской части населения, что объяснимо для раздела о призывниках. Несмотря на то что он не игнорирует представительниц молодого поколения этого периода в главах, посвященных школе или университету, он не выделил в отдельную главу аспекты повседневной жизни, касающиеся девочек и девушек. В некотором отношении эта тенденция присуща его источникам, большинство авторов которых были юношами или мужчинами. Конечно, в последние десятилетия наблюдался рост числа исследований, посвященных гендерным вопросам и женской истории в советский период. И, хотя А. Рожков говорит об адаптации маскулинности к большевистской идеологии, он не поднимает подобный вопрос относительно феминности.

Школы, университеты и армия оставляют после себя удобные для сбора и анализа источники информации, на основе которых возможно изучение повседневной жизни молодых людей, но можно задаться вопросом о молодых людях, которые не учились в университете и провели свои юношеские годы, проработав на заводе или в поле. Автора нельзя обвинить в том, что он не написал полную историю юношества в СССР. Но опасность фиксации истории с позиции трех учреждений, которые доминировали в жизни молодежи, заключается в том, что уделяется мало внимания жизни за их пределами.

Стоит отметить, что в книге Рожкова сохраняется тенденция восприятия 1920-х гг. как более или менее недифференцированного исторического периода с незначительной ссылкой на изменения, которые произошли в советском обществе на протяжении десятилетия. Автор сознательно стремился избегать перечисления политических дискуссий и связанных с этим экономических дебатов, хорошо освещенных в исторической литературе. Однако более подробное обсуждение политических, экономических изменений советской системы или общих преобразований за десять лет, возможно, помогло бы получить больше сведений о том, что отличало этот короткий период от последующей индустриализации. Этот политический и экономический контекст важен и для понимания особенностей исторических источников исследования. Внимательный читатель заметит, что многие исторические источники Рожкова из эпохи первой пятилетки, когда НЭП был уже в процессе свертывания. Обилие публикаций и изданий рубежа 1920 и 1930-х гг., на которые ссылается автор, описывая десятилетие в целом, можно объяснить по-разному, в том числе лучшей, чем в предыдущие годы, обеспеченностью населения бумагой, вызванной большей политической стабильностью и активным развитием промышленности.

По ходу повествования автор разрушает многие историографические стереотипы в отношении 1920-х гг. Стремление романтизировать этот период как время достаточной свободы и поиска в сравнении со сталинизмом корректируется фактами, найденными Рожковым. Они свидетельствуют

об обратной стороне перемен, связанных с повседневными лишениями, трудностями обучения, прекращающимися реформаторскими действиями, перекраивающими юношескую повседневность. То, что многим сегодня кажется преимуществом времени (идеологический хаос, открытые политические дискуссии, относительный плюрализм мнений и в то же время острейшие социальные и идеологические противоречия), тогда могло привести к эмоциональным срывам и идентификационным кризисам у молодых.

Критикуя одни историографические оценки, автор в то же время воспроизводит те, что могут вызвать дискуссию сегодня. К примеру, А. Рожков делит все молодое поколение тех лет на нонконформистов и конформистов, романтизируя первых и не оставляя последним возможности «качественной, полнокровной жизни» в рамках советской системы (с.142–143). Как пишет он, в России в 1920-е гг. был упущен шанс по реализации демократичной и либеральной молодежной политики, который зависел от того, на какую часть молодежи сделает ставку партийно-государственная власть – на активную, свободолюбивую или лояльную, молчаливую, безропотную (с. 534). Такой взгляд на молодых людей и советскую систему вписывается в «историографию холодной войны» и «философские постулаты либерализма, выдаваемые за универсальные внеисторические истины»⁵, и не объясняет практик той активной части молодого поколения, которая явно не искала выгоды, не делала преднамеренно карьеру, но вполне искренне считала себя частью советской системы. Даже спустя десятилетия, в 1950–1960-е гг., часть их, выйдя на пенсию, продолжала верить в реальное воплощение коммунистической идеи, и готова была доказывать это делом. Найденные в федеральных и региональных архивах материалы свидетельствуют о массовом участии пенсионеров (тех самых юношей и девушек 1920-х гг.) в деятельности таких общественных организаций, как советы пенсионеров, женские советы, домовые комитеты, народные дружины, товарищеские суды и др.⁶ Они решали разнообразные локальные проблемы (от обустройства двора, помощи работающим матерям до участия в разрешении бытовых конфликтов) и надеялись, что так они приближают наступление «коммунистического завтра».

Упомянутые недостатки исследования незначительны по сравнению с достоинствами книги «В кругу сверстников», которая чрезвычайно обогащает наше понимание 1920-х гг. в Советской России. Даже те исследователи, чья область изучения – политика и экономика, почерпнут многое из социального контекста, который описывает Рожков. Кроме того, редкий историк проанализирует такое большое количество источников, какое использовал автор. Убедиться в этом можно, заглянув в примечания и список литературы. Эта работа в течение очень долгого времени будет моделью исследования повседневной жизни и социальной истории эпохи НЭПа.

Примечания

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-11-59003.

² Fitzpatrick Sh. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. Oxford University Press, 1999. В рус. переводе: Фицпатрик Ш. *Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг.* Город. М., 2001 (2-е изд. 2008).

³ Рожков А.Ю. *В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х гг.:* в 2 т. Краснодар, 2002.

⁴ Лебина Н.Б. *Повседневная жизнь советского города. 1920–1930-е гг.* СПб., 1999; Она же. *Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки.* СПб., 2006; Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 гг.. М., 2003; Зубкова Е.Ю. *Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945–1953.* М., 2000; Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электроставода в советском обществе 1920–1930-х гг. М., 2000 и др.

⁵ Krylova A. *The Tenacious Liberal Subject in Soviet Studies // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* 2000. Vol. 1, No. 1. P. 119–46; Yurchak A. *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation.* Princeton: Princeton University Press, 2006. В рус. переводе: Юрчак А. *Это было навсегда, пока не кончилось.* М., 2014.

⁶ Ромашова М. «Дефицитная» бабушка: советский дискурс старости и сценарии старения// *Новое литературное обозрение.* 2015. № 3 (133). С.55–65.

Дата поступления рукописи в редакцию 03.09.2015

**FROM A SCHOOLCHILD TO THE RED ARMY SOLDIER:
WAYS OF GROWING UP AND EVERYDAY PRACTICES
IN POST-REVOLUTIONARY SOCIETY**

C. Black, M. V. Romashova

Washington College, 300 Washington Avenue, Chesterton, Maryland, 21620, United States
Perm State University, Bukirev str., 15, 614990, Perm, Russia
cblack2@washcoll.edu
romasha09@gmail.com

The authors review Alexander Rozhkov's book "In the circle of peers" dedicated to the worldlife of boys and girls of the Soviet Russia in the 1920s. On the basis of diverse and multiple sources, the author of the reviewed book analyzes the ideas and everyday practices of young people in real peer groups and beyond - in interaction with adults (parents, teachers, university professors, commanders, etc.). Research focus on youth and adolescence gives the opportunity to look at the problem of the young generation growing up in post-revolutionary Soviet society, where maturity and old age for some time ceased to be the norm. Youth became the object of discussions and practical actions of politicians, scholars, teachers, and doctors on the subject of forming the "new" socialized and ideologically educated adults. But Rozhkov sees boys and girls not only as the objects of manipulation and educational policies, but as equal co-participants doing the "big" history, resisting, rebelling, rejecting, consuming, disenchanted and inspired. The book extremely enriches our understanding of the 1920s Soviet Russia. Even those who do research in politics and economics will get a lot from the social context described by Rozhkov. The work will be a model for the research of everyday life and social history of the New Economic Policy era for a very long time.

Key words: youth and adolescence, everyday life, peers, the New Economic Policy, school, higher education institution, the Red Army.